

ЭНИГМАТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ТЕКСТ

ENIGMATIC SITUATION AND TEXT

P. Pavlova

Summary: This article considers the structure of a specific communicative situation of an enigmatic text production – the enigmatic situation. By analysing the compositional and structural characteristics along with the semantic organisation of enigmatic texts, the following components of the enigmatic situation are established: an addresser and an addressee, both of whom carry special pragmatic functions of a riddler and a guesser, cultural code, background knowledge and life experience of the communicants, a coded object, the image of which is verbalised in an enigmatic text consisting of a question and an answer part. Based on the results of enigmatic texts research, the term «enigmat» is introduced to clarify the terminology. The term refers to the answer part of the enigmatic text, following the logic of naming the coded object (enigmat) and question part of the text (enigmator). The material of the study comprised riddles in the German language.

Keywords: enigmatic text, enigmatic situation, enigmator, enigmat, enigmant.

Павлова Полина Анатольевна
аспирант, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург)
pavlova-p@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается структура специфической коммуникативно-речевой ситуации порождения энigmатического текста – энigmатической ситуации. Путем анализа композиционно-структурных характеристик и смысловой организации энigmатического текста устанавливаются следующие ее компоненты: адресант и адресат с особыми прагматическими функциями загадчика и отгадчика, культурный код, фоновые знания и жизненный опыт коммуникантов, кодируемый объект реальной действительности, образ которого вербализуется с помощью энigmатического текста, состоящего из вопросной и ответной частей. На основании результатов исследований энigmатических текстов с целью уточнения терминологического аппарата по аналогии с терминами «энigmat» и «энigmator», которые соотносятся с кодируемым объектом и вопросной частью энigmатического текста, вводится термин «энигмант», обозначающий ответную часть текста. Материалом исследования послужили немецкоязычные тексты загадок.

Ключевые слова: энigmатический текст, энigmатическая ситуация, энigmator, энigmat, энигмант.

Введение

Проблема ситуации порождения энigmатического текста принадлежит к актуальным проблемам современной лингвистики текста. В первую очередь это обусловлено тем, что энigmатические тексты представляют собой достаточно большой и неоднородный класс текстов, внутри которого можно выделить мало- и крупноформатные тексты. К малоформатным относятся тексты загадок, кроссвордов, шарад и другие, подробно проанализированные во многих исследованиях: Денисова (2008), Селиванова (2019), Струковой (2024). Крупноформатные энigmатические тексты включают как тексты естественной (протоколы судебных заседаний, профессиональные задачи для студентов-юристов), так и художественной коммуникации (детективные романы), энigmатическая природа которых изучена не так подробно. Однако такие тексты также обладают серьезным энigmатическим потенциалом, поскольку в их основе лежит особая ситуация порождения текста, опосредованная энгмой, хотя они и находятся ближе к периферии класса, чем, например, загадки. Последние, благодаря их приближенности к прототипическому энigmатическому тексту, являются наиболее подходящим материалом для предварительного исследования ситуации порождения энigmатических текстов.

Исследования энigmатики в современной лингвистике характеризуются применением множества подходов к изучению энigmатических текстов. Так, например,

можно выделить структурный аспект в исследованиях Е.А. Денисовой (2008) и Т.В. Струковой (2024), которые описывают части текста загадки. Во многих исследованиях представлен функциональный аспект, например у Н.Г. Титовой (2012), изучающей загадку в рамках сказочного дискурса. С позиций семантики и прагматики энigmатические тексты изучает К.А. Новикова (2023; 2024). Когнитивное исследование энigmатического дискурса представлено в работе Е.А. Селивановой (2014). Теоретический материал, полученный в ходе многолетней работы лингвистов в этой области, демонстрирует тесную взаимосвязь свойств энigmатического текста, выявленных в ходе его многоаспектного исследования, и позволяет говорить о том, что реализация энigmатического текста происходит в пределах особой ситуации, которую можно также обозначить как энigmатическую.

Рассмотрение энigmатической ситуации требует опоры, с одной стороны, на понятие «коммуникативно-речевой ситуации», а с другой – на понятие текста. Как известно, коммуникативная ситуация включает собственно лингвистические (текстовое высказывание) и экстралингвистические компоненты (адресант, адресат, цель общения, канал связи и т.д.). Исходя из этого, не подлежит сомнению, что как коммуникативно-прагматические, так и композиционно-речевые характеристики любого текста, в том числе энigmатического, диктуются особенностями той коммуникативной ситуации, в которой он реализуется.

Методология

Цель исследования заключается в определении структуры энigmatической ситуации и уточнении терминов, которые стали общеупотребительными в работах исследователей энigmatических текстов. В качестве материала исследования выступают тексты из электронного сборника немецкоязычных загадок. Выбор данного вида текста обусловлен тем, что загадки наиболее близки к прототипической форме энigmatического текста, поэтому особенности энigmatической ситуации будут продемонстрированы именно на примере загадок.

В работе использовались такие методы исследования, как метод сплошной выборки для отбора языкового материала, метод контекстуально-интерпретационного и лингвостилистического анализа текста, используемые для выявления структурно-композиционных и смысловых особенностей энigmatических текстов, и метод дискурс-анализа, позволивший охарактеризовать энigmatические тексты в ситуации их реализации.

Результаты

Композиционно-структурные характеристики энigmatического текста.

Исследователи загадки, к ним принадлежат, среди прочих, А.Н. Журинский (1989), С.Я. Сендерович (2008), Е.А. Денисова (2008), подчеркивают композиционно-смысловую двучастность ее текстового целого – особенность, которая лучше всего демонстрирует влияние коммуникативной ситуации на текстовую структуру. Рассмотрим это на примере:

*Wer läuft mit dem flinksten um die Wette
Und liegt zur selbigen Zeit im Bette?
Wer ist bald hier und ist schon bald dort
Und bleibt doch stets an dem selbigen Ort? – Fluss [14].*
Кто бежит с быстрым наперегонки
И в то же время лежит на ложе?
Кто скоро будет здесь и скоро уже там,
И все же остается на том же месте? – Река (здесь и далее – букв. пер. автора статьи – П.П.).

Текст загадки состоит из вопросной и ответной частей, и обе эти части являются облигаторными прототипическими компонентами текстовой структуры, поскольку отсутствие любой из них лишает текст смысловой целостности. Коммуникативно-речевая ситуация, в которой рождается и существует загадка, предполагает, что адресант текста задает вопрос, и ожидает ответа адресата.

Поэтому текст загадки можно представить как диалогическое вопросно-ответное единство с четко закрепленным за коммуникантами порядком реплик:

инициирующая реплика-стимул загадчика и ответная реплика-реакция потенциального реципиента-отгадчика.

Изначально тексты загадок функционировали исключительно в устной коммуникации, но при фиксации загадок в письменной форме, например, в сборниках загадок или на специализированных сайтах, части текста графически отделяются друг от друга: текст отгадки может быть помещен в скобки, перевернут или скрыт.

Рассмотрим более редкий пример:

*Was ist zerstört zugleich und aufgerichtet,
Sorgsam bewahret und zugleich vernichtet? – Unbekannt.
Anmerkungen: Ruine? [14].*

Что разрушено и в то же время воздвигнуто?

Бережно хранится и в то же время уничтожено? – Неизвестно.

Примечания: Руины?

Тексты некоторых загадок могут быть представлены только вопросной частью, при этом было бы неверно утверждать, что такие тексты не являются двухчастными. Несмотря на то, что ответная часть текста отсутствует, лакуна заполняется комментарием unbekannt, а иногда и предложением возможной отгадки. Однако, это лишь формальное указание на обязательное наличие в смысловой структуре текста его второй части, которая существует вне зависимости от того, смог ли адресат текста найти ответ на вопрос. Иными словами, ответ на вопрос всегда предполагается – образ загаданного объекта действительности прагматически заложен в вопросной части текста, поэтому вопросная часть не могла бы существовать без ответной в его целостной структуре.

Итак, композиционно-смысловые особенности текста загадки отражают условия специфической коммуникативно-речевой ситуации, а именно имманентного диалога между коммуникантами, направленного на установление контакта и достижение взаимопонимания путем кодирования и декодирования образа реального объекта через текст.

Смысловая организация энigmatического текста

Глубинная смысловая структура энigmatического текста напрямую соотносится с обозначенной выше интенцией адресанта. Эта интенция осложняется целями ориентации текста на процесс познания мира и развития познавательных способностей реципиента и на психологическое удовлетворение обеих сторон коммуникации в ходе двухвекторного процесса коммуникации, который заключается в креативном кодировании и декодировании объекта реальной действительности. Условно две эти цели можно обозначить как *познавательно-развивающую* и *эмоционально-развлекательную*.

Для реализации этих целей выстраивание текстового целого подразумевает выбор адресантом таких средств, которые позволяют установить и поддержать контакт с адресатом и обеспечить протекание общения в игровой форме. В первую очередь это обеспечивают внутри текстовых логико-семантические связи:

*Was ist unsichtbar, jedoch überall,
hat keine Füße und ist doch schnell wie der Schall,
hat viele Zungen, in denen es spricht,
jedoch niemals ein Gesicht? – Echo [14].*

Что невидимо, но находится повсюду,
Не имеет ног, но быстро как звук,
Имеет много языков, на которых оно говорит,
Но никогда не имеет лица? – Эхо.

Текст этой загадки построен с помощью риторической фигуры противопоставления, коммуникативно-прагматический эффект которой усиливается использованием семантико-синтаксического параллелизма (*ist unsichtbar – jedoch überall; hat keine Füße – ist doch schnell; hat viele Zungen – jedoch niemals ein Gesicht*) и негаторов (*un-, kein, niemals*). Контактоустанавливающую функцию выполняет вопросительное предложение, а также рифма и ритмическая организация, которые облегчают адресату восприятие текста на слух в ситуации устного общения.

Игровой потенциал текста раскрывается благодаря стилистическим приемам олицетворения (*hat viele Zungen*), метафорического сравнения (*schnell wie der Schall*), а также другим элементам, создающим прагматическое напряжение текста. Например, кодируя образ эха, адресант прибегает к приему ложной подсказки, когда использует слово *Zungen* метафорической функции. Контекст (*in denen es spricht*) подсказывает адресату, что это слово использовано в значении «система знаков, используемых для коммуникации между людьми», но синтаксически предложение построение так, что первичный образ отгадываемого объекта адресат формирует согласно синтагме *hat viele Zungen*, которую он соотнесет с предшествовавшей отрицательной частью перечисительного ряда *hat keine Füße*. Основанием для этого служит и синтаксический параллелизм в первой половине текста загадки, и принадлежность слов *Zungen* и *Füße* к семантическому полю «части тела». Поэтому с высокой вероятностью изначально адресат интерпретирует слово *Zungen* как имеющее значение «часть тела». На это указывает и последняя часть предложения с отрицанием (*jedoch niemals ein Gesicht*), семантически противопоставленная предыдущему фрагменту. Слово *Gesicht* скорее противопоставляется слову *spricht*, так как описываемый признак – возможность говорить при отсутствии лица. Но это слово также имеет значение «часть тела» и, согласно синтактико-смысловой структуре предложения, фрагменты *hat viele Zungen* и *jedoch niemals ein Gesicht* тоже контрастируют друг с другом по смыслу.

Динамическое описание загадываемого объекта в сочетании с синтаксическим параллелизмом тоже способствует возникновению напряжения, поскольку создает циклический ритмический рисунок, который нарушается в третьей строке (*in denen es spricht*), и придает тексту эмоционально-наглядную экспрессивность. Отличие в синтаксической и ритмической организации служит семантическим сигналом для адресата обратить внимание на актуальное членение предложения, где рема, вводимая противопоставлением, содержит ключ к разгадке.

Автору и реципиенту энigmatischen текста предписаны дополнительные прагматические функции. Речемыслительная деятельность автора осложнена вследствие присущей ему ментальной и коммуникативно-прагматической функции загадчика: ему необходимо определить загадываемый объект, выявить его наиболее характерные особенности, переосмыслить их так, чтобы связь с объектом сохранилась, но не была явной, и облечь это в лингвокреативную контекстуально-речевую форму, обеспечивающую контакт с читателем. Реципиент же стимулируется к лингвокреативному процессу декодирования в соответствии со стоящей перед ним, как перед отгадчиком, целью. В случае неудачи он не выполняет предписанный ему правилами коммуникативно-речевой ситуации и требованиями жанра прагматический акт и остается неудовлетворенным, потому что, не дав ответа на загадку, не реализовал свою позицию полноценного участника «энигматического диалога».

Экстралингвистические компоненты, включенные в ситуацию порождения энигматического текста, охватывают, кроме описанных выше ролей коммуникантов, их целей и функций, также и их жизненный опыт, культурный код и фоновые знания. Большим значением для коммуникативного успеха здесь обладает их объем, достаточный для кодирования и декодирования объекта действительности, и фактор их соответствия у обоих вступающих в энigmatische диалог:

*Welche Uhr ist gut gemacht,
aber nutzt nicht in der Nacht? – Sonnenuhr [14].
Какие часы хорошо сделаны,
Но не используются ночью? – Солнечные часы.*

Представленная загадка может показаться достаточно простой для декодирования, так как отгадка частично называется адресантом в кодирующей части текста (*Uhr*). Но если представить такую коммуникативную ситуацию, где адресат текста не обладает необходимыми знаниями об устройстве солнечных часов и часов вообще (например, в том случае, если адресат – ребенок раннего возраста), то он не сможет выполнить функцию отгадчика и, как следствие, диалог в рамках данной коммуникативно-речевой ситуации не будет завершен.

Итак, поскольку за порождением энигматического

текста стоит специфический вид ситуации с рядом облигаторных коммуникативно-прагматических параметров, представляется возможным ввести понятие «энигматической ситуации» – коммуникативно-речевого контекста, формируемого прагматическими антропоцентрическими полюсами загадчика и отгадчика, «поисковые» речемыслительные действия которых обуславливают абсолютную диалогическую природу энигматического текста как коммуникативного события. Энигматическую ситуацию и ее компоненты можно представить следующим образом: адресант-загадчик передает адресату-отгадчику информацию о кодируемом объекте при помощи энигматического текста, который состоит из вопросной и ответной частей, репрезентующих образ кодируемого объекта в текстовой форме. Непосредственное влияние на процессы кодирования адресантом-загадчиком и декодирования адресатом-отгадчиком оказывают жизненный опыт каждого коммуниканта, их фоновые знания и культурный код.

На данном этапе изучения энигматических текстов существует еще один вопрос, принципиально важный для понимания параметров энигматической коммуникативно-речевой ситуации. Так, рассматривая структуру энигматического текста на примере загадок и кроссвордов, Е.А. Денисова определяет его как «сложный знак», который включает три компонента: кодирующую часть текста – «энигматор», отгадку или имя и загаданный объект действительности – «энигмат». Энигмат понимается автором как означаемое, денотат загадки, а энигматор и отгадка, воспринимаемые как части целого, формируют собственно энигматический текст и мыслятся как означающее денотата. По мнению Е.А. Денисовой, разграничение терминов «энигмат» и «отгадка» необходимо, поскольку как одному энигматору, так и одной отгадке может соответствовать больше одного энигмата [2, с. 16]. Продемонстрируем это на примерах:

*Ein Vorhang aus Luft und Duft gewoben,
und wie der Wind geschwind zerstoben. – Nebel oder Parfümwolke* [14].

*Занавес, сотканный из дымки / аромата,
И рассеивающийся быстро как ветер. – Туман или облако духов.*

В данном примере описание объекта энигматором допускает наличие двух отгадок (*Nebel oder Parfümwolke*). Кроме сходства основания для метафорического переноса (*Vorhang*) и сравнения (*wie der Wind geschwind zerstoben*) этому способствует полисемия слова *Duft*, которое адресат может воспринимать либо в значении «запах, аромат», либо в значении «туман, дымка» с поэтическим оттенком.

*Sie bringt Zeitungen die Peinlichkeit,
Jahr um Jahr fliegt sie ganz weit
und macht sich auch auf Straßen breit. – Ente.
Anmerkungen: 1. Falschmeldung; 2. Vogelart; 3. Auto (Ci-*

troen 2CV) [14].

*Она приносит газетам неприятности,
Год за годом она летает довольно далеко
И красуется на улицах – Утка.*

*Примечания: 1. Ложное сообщение; 2. Вид птиц; 3. Ма-
шина (Citroen 2CV).*

В этом примере загадки каждая строка энигматора описывает разные кодируемые объекты, объединенные общим для них названием, то есть за одной отгадкой стоят три разных энигмата. Такие загадки представляют собой отдельный вид энигматических текстов, построенных на основании омонимии.

Далее, тем же автором при описании кроссворда как энигматического текста «объяснительная часть» все еще определяется как энигматор, а «искомое слово» – уже как «энигмат» [2, с. 127, 179], в то время как обе эти части представляют статью кроссворда на текстовом уровне и являются означающим кодируемого объекта. По этой причине складывается впечатление, что использованный ранее термин «отгадка» подменяется термином «энигмат».

Несколько терминологии, предложенной Е.А. Денисовой, обнаруживается, как представляется, и у других исследователей энигматических текстов. Так, М.В. Волкова обозначает термином «энигмат» и «загаданный объект», и «закодированное слово» [1, с. 58-59], а К.А. Новикова применяет этот термин как синоним «загаданного объекта» [5, с. 156] и «отгадки» или «ответной части» загадки [7, с. 3604; 6, с. 99].

В связи с обозначенной проблемой, считаем целесообразным наряду с терминами «энигматор» и «энигмат» ввести термин «энигмант», опираясь на то, что существительные на *-ант* называют лица или предметы, характеризующиеся отношением к явлению, названному мотивирующим словом (в данном случае – словом «энигма») [4, с. 266]. Введение этого термина позволяет, во-первых, избежать неточности в определении частей энигматического текста, а, во-вторых, придает большее единство всему терминологическому аппарату, необходимому для научной интерпретации энигматической ситуации и энигматического текста. В предлагаемой логике под энигмой понимается кодируемый объект действительности, то есть означаемое или денотат энигматического текста, а термины «энигматор» и «энигмант» номинируют части энигматического текста как целостного означающего, где энигматор – это кодирующая (вопросная) часть, а энигмант – кодируемая (ответная) часть текста, или отгадка.

Выводы

В результате исследования была установлена структура энигматической ситуации, включающая адресанта-

загадчика и адресата-отгадчика, коммуникативные роли которых осложнены посредством дополнительных прагматических установок коммуникантов на кодирование и декодирование; культурный код, жизненный опыт и фоновые знания коммуникантов, конгруэнтность которых в рамках энigmatической ситуации является необходимым условием для коммуникативного успеха; энigmat, кодируемый адресантом-загадчиком и декодируемый адресантом-отгадчиком; энigmatический текст, представляющий образ энгманта в вербальной форме и состоящий из двух частей: энгматора и энгманта.

Термин «энгмант», вводимый вместе с термином «энigmatическая ситуация», дополняет систему терми-

нологии, традиционно используемую в работах исследователей энigmatических текстов. Кроме того, данный термин позволяет избежать неточности, вызванной смешением фокуса с реального кодируемого объекта на отгадку как его вербальное выражение, и, как следствие, непоследовательного употребления термина «энгмат».

Поскольку материал данного исследования представлен исключительно малоформатными энigmatическими текстами загадок, целесообразным представляется применение результатов данной работы для дальнейшего изучения особенностей энigmatической ситуации, в которой реализуются крупноформатные энigmatические тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова М.В. Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филолог. наук. Смоленск, 2011. 167 с.
2. Денисова Е.А. Структура и функции энigmatического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): дис. ... канд. филолог. наук. М., 2008. 226 с.
3. Журинский А.Н. Семантическая структура загадки: неметафорические преобразования смысла. М.: Наука, 1989. 128 с.
4. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
5. Новикова К.А. К вопросу о трактовке понятия «энigmatический текст» в лингвистических исследованиях // Германистика в современном научном пространстве: материалы VI Междунар. научн.-практ. конф., Краснодар, 07 февраля 2020 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. С. 155–159.
6. Новикова К.А. Структура энigmatического текста: субъектно-адресатный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. N 2. С. 98–108.
7. Новикова К.А. Маркеры интертекстуальности как средство выражения адресованности немецкоязычных авторских энigmatических текстов конца XVIII – начала XX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. N 11. С. 3604–3609. doi:10.30853/phil20220617.
8. Новикова К.А. Энigmatические тексты Ф. Шиллера: структурно-семантический аспект // Язык и литература в синхронии и диахронии: материалы Междунар. научн. конф., Краснодар, 20 ноября 2023 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 206–214.
9. Селиванова Е.А. Когниция и вербализация парадоксальности в русских кроссвордах // Язык. Текст. Дискурс. 2019. N 17. С. 155–169.
10. Селиванова Е.А. Энigmatический дискурс: вербализация и когниция. Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. 224 с.
11. Сендерович С.Я. Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 133 с.
12. Струкова Т.В. Энigmatические жанры русской поэзии в периодических изданиях первой четверти XIX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. N 4(105). С. 227–232.
13. Титова Н.Г. Доминантная функция загадки в русском и английском «сказочном» дискурсе // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. N 1(37). С. 319–324.
14. Website von Angela und Otto Janko [Электронный ресурс]. URL: <https://www.janko.at/> (дата обращения: 28.09.2025).

© Павлова Полина Анатольевна (pavlova-p@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»